

«В товарных вагонах нас везли на чужбину»

Мы продолжаем публиковать воспоминания наших ветеранов. Каждая такая история пронизана болью испытаний и потерь, выпавших на долю наших соотечественников в годы войны. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию историю несовершеннолетней узницы фашизма Валентины Васильевны Борисовой.

«Мой отец Поздышев Василий Михайлович и мама Поздышева Мария Сергеевна родились в 1906 году в селе Федоровский посад Царскосельского уезда Петербургской губернии. Папа в первые дни войны ушел на фронт, а в сентябре Федоровское заняли немцы. Дома разбирали на укрепления (блиндажи, траншеи), а часть домов сгорела. Бабушка, мама, сестра мамы (моя крестная) ушли жить в лес, в землянку. Мама с крестной ходили по полям, собирали неубранную картошку, капусту, питались впроголодь. Наступали холода, и мы ушли жить на Грачевку, а Федоровское стало передней линией фронта. В 1943 году немцы стали вывозить жителей в Германию. Не обошла эта участь и нас. Везли нас в товарных вагонах, доехали до Пскова. Кто мог работать (был в силе), того отобрали и отправили на лесозаготовки где-то недалеко от деревни Малые Заозерицы. Маме было 36 лет, кокочке 24 года. Нас поселили в лесу в бараке. Мы с бабушкой были в бараке, а мамочка с крестной ходили пилить лес на дрова для немцев. Наступила осень, выпал снег. Одеть было нечего, все вещи, что взяли с собой мама и крестная, надевали на себя. Из одеяла бабушка сшила теплые чулки (бурки). К вечеру привозили баланду из картофельных очистков, капусты, брюквы. Очень невкусная еда, такой суп. В бараке было холодно, посередине стояла буржуйка, которую топили ветками и сучьями. Спали на нарах, мама с крестной наверху, а мы с бабушкой внизу. Сколько жило людей в бараке, я не понимала. На мне было надето все, что взято из дома: нижняя рубашка с вышитыми инициалами «В.П», платице, пальто, капор на голове, сверху платок, завязанный концами за спину. Всегда в изголовье вместо подушки лежала заплечная котомочка, в которой лежали остальные вещи и записка, где родилась, фамилия, имя, отчество, год рождения – на случай бомбежки. Мама простудилась и все время кашляла. Утром в барак приходил немец и проверял, все ли ушли работать. Как-то утром он подошел к бабушке, тыча в нее прикладом. Мамочка подбежала к немцу, упала на колени и, плача, просила оставить бабушку с ребенком (со мной). Она сунула ему в руку сережки свои и крестной, и он ушел. Каждое утро бабушка чесала мне голову, постелив свой платок с головы, вшей было много, и они появлялись снова и снова. Мамочка с кокочкой уходили на работу, а мы с бабушкой оставались в бараке, буржуйка была холодная, нахальные крысы бегали и по полу, и по нарам. Бабушка прятала меня под одеяло и не разрешала мне смотреть на них. Зимой лагерь бомбили, и все бежали кто куда. Бабушка не могла ходить, у нее были больные распухшие ноги, они были замотаны тряпками. Не знаю, где мама с крестной нашли сколоченные доски, на которых тащили по снегу бабушку, а я держалась за бабушкин платок, бежала рядом и причитала: «У меня тоже болят ножки, мамочка, посади меня к бабушке!». Сколько бежали - не знаю. К вечеру по глубокому снегу перешли реку Великую и остановились в деревне Кусва. Беженцев было много, все спали на полу, жители деревни приютили всех. Не прошло и двух недель - немцы снова отбирали работающих. Маме было 37, крестной 25, бабушке 63, мне 5 лет. Нас привели во Псков и в товарных вагонах повезли, как говорили, в Германию. Мама все кашляла, она простудилась в лагере. Но не все доехали до Германии, на станции, где останавливался поезд, приходили «хозяева» из окрестных хуторов и выбирали себе работников. Нас выбрал большой рыжий эстонец. Жили мы недалеко от города Цесиса (это Латвия). У хозяина было большое хозяйство: коровы, лошади, козы, свиньи, куры. Хорошо помню дом на две половины – большая комната и кухня. Мы спали на кухне на полу на соломе, но все-таки было тепло. Летом переселялись в комнату. Мы с бабушкой пасли коз. У бабушки была кружечка алюминевая, она ее прятала в сумочке – называлась «лакомка», носила она ее на пояске под юбкой. В эту кружечку, когда мы были подальше от дома, бабуленька сдаивала молочка

от козочки, и я быстренько его выпивала. Когда налетали самолеты и начинали где-то бомбить, бабушка брала в одну руку икону, другой держала меня, и мы бежали прятаться в амбар, и бабуля читала: «Отче наш, иже еси на небесах» ... Прожили мы у хозяина около года, и когда наши войска стали наступать, наш хозяин, большущий рыжий дядька, выносил из дома все вещи – стулья резные, столы, вазы, посуду - и все рубил на большом чурбане, крича: «Чтоб красным ничего не досталось!». Хозяин с семьей погрузили все оставшееся на подводы, забрали коров и уехали. А мы пошли пешком в Псков, в деревню Кусва, с нами была женщина Мария, и она позвала нас к себе, так как ехать нам было некуда – нашего дорогого Федоровского не существовало. В Кусве мы прожили до мая 1945 года, когда нас нашел папа».

Опубликовано в газете «Комминфо», №17 (812), 26 апреля 2018 года